

Б. Н. ПУТИЛОВ

«СБОРНИК КИРШИ ДАНИЛОВА» И ТРАДИЦИИ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРИЗМА XVIII в.

История «Сборника Кирши Данилова», несмотря на усиленные и часто успешные разыскания многочисленных исследователей, по-прежнему окружена загадками. Неясными и дискуссионными продолжают оставаться основные вопросы: кем, где, когда было создано это собрание, которое по праву включается в ряд выдающихся книг русской и европейской фольклористики? Какими целями вдохновлялся неизвестный создатель этой книги, за которым ученая традиция сохранила экзотическое имя Кирши Данилова? Какими принципами руководствовался он в своей работе?

Одним из препятствий в изучении «Сборника» является скудость фактов, относящихся к его истории. Немногочисленные и сбивчивые данные отражают не начальный (в научном отношении наиболее важный), а те последующие этапы истории «Сборника», когда он попадает в библиотеки собирателей книжных редкостей, переходит от одного любителя старины к другому, пока, наконец, не становится достоянием широкой читающей публики, а вместе с этим — и ярким фактом новой общерусской культуры.¹

Но прежде чем «Сборник» попал в руки одного из Демидовых, а затем — к московским меценатам, литераторам и ученым, он, скорее всего, какое-то время жил в совсем иной социальной, бытовой и культурной среде; здесь, в этой среде, он был создан; интересы и вкусы этой среды определили его характер; литературные навыки и традиции этой среды наложили свою печать и на содержание книги, на ее состав, и на всю «технику» работы над ней.

¹ См. подробно об этом в нашей статье «Сборник Кирши Данилова и его место в русской фольклористике», в кн.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 513—565.

«Сборник Кирши Данилова» должен быть рассмотрен на фоне собирательской фольклористики и литературного и бытового фольклоризма XVIII в.

Записывание, распространение и хранение записанных произведений фольклора в это время ярко отражают различный характер интересов к нему и различия в его судьбах в той или другой социальной среде.

С одной стороны, нарождается и быстро растет научный, историко-познавательный, национально-культурный, сознательно-литературный интерес к фольклору. С другой стороны, столь же быстро развивается, так сказать, читательский и потребительский интерес к отдельным видам фольклора в той среде, которая оказалась по разным причинам оторванной от живых фольклорных традиций и в быт которой народная песня или сказка уже не могла входить непосредственно.

Книга становится важным посредником между фольклором и новой культурой. Характернейшая особенность всего этого достаточно сложного процесса состоит в том, что народная поэзия воспринимается представителями новой культуры и образованности как следственная культурная и художественная область, которая лежит за пределами новой культуры и которая должна быть этой последней усвоена (в формах, для нее характерных).

Таким образом, сознательное отношение к фольклору как определенному явлению культуры и «стороннее» восприятие и усвоение его, опора на книгу составляют характерные черты формирующейся фольклористики XVIII в. А рядом интенсивно живет «низовой или массовый фольклоризм», как определял его М. К. Азадовский. Этот фольклоризм вырастает на иной социальной, бытовой, культурной почве, питается иными традициями, опирается на принципиально иное осознание художественной сущности народной поэзии. Это — фольклоризм различных слоев и профессиональных разновидностей русского крестьянства, городских демократических низов, различных групп, оторвавшихся от крестьянского труда, и т. д.

«Многочисленные рукописные сборники и списки песен, былин, сказок, пословиц и других видов фольклора» — вещественные проявления этого низового фольклоризма. «В XVIII веке мы имеем уже десятки, сотни таких фактов. Какие-то неизвестные любители, книжники, собиратели записывают народные песни, былины, заносят в свои сборники сказки, пословицы, загадки».² Некоторые такие сборники, по предположению исследователей, имели определенное профессиональное назначение, и М. К. Азадовский, опираясь на эти взгляды, счел возможным поставить в тот же ряд и «Сборник Кирши Данилова».

² М. К. Азадовский. История русской фольклористики. М., 1958, стр. 102—103.

Давняя точка зрения на Киршу как певца скоморошьяго склада, записавшего собственный репертуар, в последнее время получила новую поддержку.³

По поводу этой концепции могут быть высказаны некоторые сомнения общего и фактического порядка.

Зачем певцам или певцу записывать свой репертуар? Чтобы сохранить его в памяти? Но народные певцы не забывают усвоенных ими былин и песен, особенно если они их систематически исполняют (а для профессиональных певцов это — правило). Чтобы обучать новых певцов? Но известно, что передача и усвоение фольклорной (песенной, былинной, сказочной) традиции в народной среде имеет хорошо выработанные формы, не требующие участия книги.

К тому же, тексты, записанные Киршей Даниловым, петь не легко, несмотря на приложенные ноты. Тексты освобождены от типично песенных элементов — повторов, обрывов, подхватов, вставных слогов и т. п. Песня в записи Кирши Данилова превращается в стихотворение.

Кроме того, как теперь безусловно доказано, в ряде случаев былинные и песенные тексты дополнялись и распространялись прозаическими, повествовательными вставками. Можно спорить о количестве «прозаизмов» и их границах в каждом отдельном случае, но самое существование их не вызывает сомнений. Попытка А. А. Горелова отнести «прозаизмы» на счет импровизации певца не обоснована и пока что не может быть принята.

Само по себе предположение, что тексты, помещенные в «Сборнике», записал певец, не невероятно. Новейшая история фольклористики знает несколько случаев, когда грамотные сказители записывали былины, которые сами исполняли (И. А. Касьянов, П. Калинин, Т. Е. Точиллов, П. И. Рябинин-Андреев). Замечу, что во всех известных мне случаях они делали это либо по просьбе собирателей, либо под влиянием встреч с ними, вели записи «для науки» и отсылали их в научные учреждения. В сущности, певцу записи «своих» былин не нужны, и для себя он не станет проводить эту тяжелую и не имеющую какой-то прямой цели работу.

Следовательно, гипотеза о певце — составителе «Сборника Кирши Данилова» не снимает основного вопроса — о целях, ради которых сборник создавался. К тому же эта гипотеза, даже если признать ее правомочность, требует некоторых существенных уточнений. Так, певцу-собирателю вряд ли мог принадлежать весь состав сборника, поскольку исследователям не удалось доказать художественного единства (которое можно было бы от-

³ А. А. Горелов. Кем был автор сборника «Древние российские стихотворения». — В сб.: Русский фольклор. Материалы и исследования, VII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 293—312.

нести на счет одного певца или даже сплоченной группы певцов) всех песен «Сборника» и поскольку, учитывая позднейшие данные русского народного творчества, трудно представить себе народного сказителя, владеющего столь пестрым в жанровом и стилевом отношениях песенным материалом.

Возникает мысль, что Кирша Данилов записал не только «свои» былины и песни, но и песни от других певцов. А это обстоятельство очень важно для понимания «Сборника». Его создатель либо действовал по заказу, по чьему-то побуждению, либо руководствовался какими-то собственными мотивами и интересами, не связанными с профессиональными обстоятельствами.

Любопытно, что в тетрадях упомянутого выше И. А. Касьянова содержатся фольклорно-этнографические материалы, которые он собрал от крестьян: духовные стихи, причитания невесты, заговоры. Если добавить к этому, что у Касьянова хранились также копии произведений старой книжности, то перед нами вырисовывается облик любителя, делившего свои интересы между фольклором и литературой, — носителя фольклорной традиции и ее собирателя.⁴

Факты показывают, что такого рода любители, питавшие интерес к старой письменности — к памятникам учительной, служебной книжности и старинной беллетристики и одновременно к отдельным видам народного творчества, не редкость уже для XVIII (а отчасти и для XVII) в. На долю их пришлось характерное объединение в рукописных сборниках под одной крышкой произведений литературы и записей (или пересказов, переделок) фольклорных текстов.

Мы имеем сведения о владельцах различных рукописных сборников, о составителях (что гораздо реже). По заключению М. Н. Сперанского, «строго проведенной параллели между характером и составом сборника и общественным положением его владельца, писца или читателя установить нельзя». Во всяком случае, это по преимуществу среда демократическая, а соединение старой (до XVIII в.) книжности с былинными текстами преобладает в крестьянских сборниках.⁵ Записи былин, их пересказы и обработки, переделки сказок, сказочные полуфольклорные повести в составе рукописных сборников воспринимались как естественная часть их пестрого литературного репертуара; произведения фольклора тем самым включались в массовую беллетристику.

Другая рукописная традиция в области фольклора, все усиливавшаяся с течением времени, связана с распространением

⁴ См.: В. С. Бахтин. Дополнение к сборнику А. Ф. Гильфердинга (былины И. А. Касьянова). — В сб.: Русский фольклор. Материалы и исследования, II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 220—230.

⁵ М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 98—99.

песенников, своеобразных альбомов, включавших бытовой песенный репертуар, менявшийся в течение десятилетий и вместе с тем в каких-то разделах довольно устойчивый. В рукописных песенниках фольклор неизменно соседствовал с книжной лирикой, хотя, видимо, иногда уже выделялся здесь в особые разделы.⁶

Обе рукописные фольклорные традиции не очень смешивались и, по-видимому, не часто взаимодействовали между собой. По-разному складывалась в XVIII в. и их судьба в печати. Если былина, сказка из рукописных сборников шли в лубок и лубочную литературу, в книги типа Левшинского сборника, то песенники явились основой и источником ряда крупных печатных собраний народной и литературной песни, начиная с Курганова и Чулкова.

На этом фоне рукописной фольклорной традиции «Сборник Кирши Данилова» обнаруживает и свою необычайную оригинальность, и свою определенную зависимость от традиции.

Прежде всего — это единственный в XVIII в. сборник, составленный целиком из произведений фольклора. Создатель этой книги не обращается непосредственно ни к обычному для рукописных сборников литературно-повествовательному материалу, ни к популярному репертуару рукописных песенников.

В то же время в «Сборнике Кирши Данилова» две рукописные фольклорные традиции как бы объединяются (но в более чистых и осознанных фольклорных формах) — и по составу, и по задачам. Характерно, что ряд песен Кирши Данилова имеет варианты в рукописных (и связанных с ними печатных) сборниках XVIII в.: это относится к былинам, историческим песням, балладам, духовным стихам. Сатирический и шуточный отдел «Сборника» почти целиком уникален по сюжетам, но имеет тематические и стилистические параллели. Значительно слабее представлена здесь лирика.

Может сложиться впечатление, что составитель «Сборника» неплохо знал рукописную фольклорную традицию и как бы решил вступить с нею в состязание. Если так, то во многом победа остается за ним. И главное — разрозненным, теряющимся в массе нефольклорного материала текстам противостоит в «Сборнике Кирши Данилова» цельный, по-своему (хотя и не до конца) организованный, отличающийся своеобразным художественным единством материал.

Характернейшая черта «Сборника Кирши Данилова» — подлинность и точность записи. И здесь, в сущности, Кирша не делает открытия, он лишь возводит в принцип то, что споради-

⁶ См.: А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков (Из истории песенной силлабической поэзии). — «Ученые записки» Московского гос. заочного пед. института, т. I, 1958, стр. 5—112.

чески встречалось у его предшественников. Хорошо, без искажений и существенных редакторских поправок записанные тексты произведений фольклора — не редкость в рукописных сборниках и песенниках XVII—XVIII в. Встречающиеся здесь случаи непоследовательности, разнобоя — естественный результат работы многих лиц и вмешательства переписчиков. Известно, что Чулков должен был исправлять ошибки, накопившиеся в песенниках, и пытался восстановить правильные чтения в песнях. Но он же допускал вмешательство в отдельные тексты, исходя из собственных литературных и цензурных соображений.

По-видимому, такое вмешательство не было свойственно Кирше Данилову. Мелочная правка текстов была ему чужда. Он был совершенно свободен от каких-либо соображений цензурного порядка, от влияния поэтической моды, официального вкуса и т. д.

Вместе с тем точность передачи живого фольклорного текста у Кирши Данилова имеет свои пределы, обусловленные рядом обстоятельств.

Передача народной песни с ее языковой характерностью, с речевыми особенностями певцов, сохранение диалектных черт и различных подробностей, свойственных живому исполнению, — все это у Кирши Данилова отнюдь не результат филологической подготовки и действия осознанных фольклористических правил. Кирша Данилов писал, как слышал (а слышал он хорошо, так как принадлежал той же самой среде, что и певцы, и сам мог быть певцом), его манера была вполне традиционной и обычной для людей из народа, прошедших элементарную школу грамотности и воспитанных на рукописной книге. Между прочим, во многом сходны записи Касьянова. От традиций старой книжности идут и внешние особенности письма Кирши Данилова: предлоги и союзы пишутся у него обычно слитно с другими словами, знаки препинания почти отсутствуют, песня пишется в сплошную строку, стих никак не выделяется. Не стану говорить о других внешних особенностях рукописи, поскольку неясно, что в них должно быть отнесено на долю создателя книги, а что принадлежит переписчикам. Характерно, во всяком случае, что писцы, копировавшие «Сборник», отнеслись к нему безусловно как к обычной старинной книге и не пытались как-то модернизировать его внешний вид.

К текстам былин и песен Кирша Данилов относился с той бережностью, которая отличает истинного собирателя и которая обеспечивает добросовестную и относительно точную запись. Эти добросовестность и точность подкреплялись еще и тем, что Кирша Данилов, безусловно, знал не со стороны народную художественную традицию.

При всем том его записи нельзя рассматривать как абсолютно точное воспроизведение народно-поэтических текстов.

Во-первых, возможно, что некоторые записи песен делались не с голоса, а со слов, так как в них воспроизводятся лишь значимые элементы текста. Всякая же запись со слов неизбежно в каких-то местах оказывается лишь конспектом, а не буквальным воспроизведением.

Во-вторых, создается впечатление, что в некоторых местах записывавший «не успевал» за певцом, и тогда естественное движение поэтического текста сбивалось, появлялись ритмические неловкости и прозаизмы.

В-третьих, наконец, могут быть отмечены случаи своеобразного редакторского участия в создании некоторых текстов. Кирша Данилов не занимался мелочной правкой, но он дополнял некоторые песенные тексты более или менее пространными прозаическими частями. Похоже, что делал он это, чтобы усилить историческую и повествовательную содержательность песен, повысить их, так сказать, читательскую ценность. И здесь Кирша Данилов несомненно использует опыт знакомой ему рукописной традиции.

Составитель «Сборника» вообще высоко ценит исторические и историко-бытовые реалии: в текстах, им записанных, масса исторических и псевдоисторических имен, различного рода исторических реминисценций, отголосков действительных событий, отражений реальной географии и т. д. С этой точки зрения «Сборник Кирши Данилова» может выдержать конкуренцию с любым фольклорным собранием. Характерно, что в «Сборнике» решительно преобладает допетровская история. Другими словами, Кирша Данилов опирался на традиционный песенный репертуар XVI—XVII вв. и на еще более старый репертуар былинного эпоса. С точки зрения читательской, в условиях послепетровского времени «Сборник» был в первую очередь средоточием исторической — в полном и широком смысле слова — народной поэзии, он должен был восприниматься как сборник произведений об историческом прошлом, как своеобразная художественная старина. В этом смысле, оказавшись он опубликован в одно время со сборником Чулкова, он и тогда уже — в отличие от этой книги как глубоко и принципиально современной — воспринимался бы как сборник древних песен (или стихотворений).

Еще одно наблюдение, относящееся к работе Кирши Данилова как редактора. В сборнике мы находим в странной, трудно объяснимой контаминации текст былины «Алеша и Тугарин». Невозможно себе представить, что такой текст мог принадлежать одному певцу. Скорее всего собиратель знал два текста с двумя версиями былины. В двух различных текстах былины он увидел фрагменты единого целого, подлежащие объединению. Контаминация внесла в сюжет непоправимое противоречие (получалось, что Тугарина убивали дважды), зато она соответствовала одному из главных стремлений собирателя — усиливала историческую и повествовательную содержательность текста.

Многое говорит о том, что Кириша Данилов как собиратель-любитель руководствовался определенными представлениями о ценности и назначении собранного им материала, определенными вкусами и интересами; он искал и организовывал материал. В результате возникла книга, вобравшая прежний традиционный опыт и одновременно отвергнувшая его; книга, которая предназначалась для любителей старины, для интересного и познавательного чтения и одновременно могла служить песенником и которая в конечном счете стала замечательным памятником фольклористики.

Один из путей, который поможет найти ответ на многие вопросы, связан с изучением «Сборника» на фоне предшествующих и современных ему традиций русского фольклоризма.